

Четырёхлетний Цзи Лючэнь уже кое-что читал, и после первого замешательства он что-то понял, но затем неизбежно погрузился в новый мир непонимания:

— Что с отцом? Почему он покончил с собой?

— Отец не покончил с собой, — услышал свой голос Цзи Саньмэй. — Нельзя, чтобы люди Чжуинь думали, что он покончил с собой!

На этом цепочка воспоминаний Цзи Саньмэя снова рвётся. Ощущение, будто из его памяти вырвали важный кусок плоти, оставив тёмную пустоту. Любая нить воспоминаний, доходя до этого места, бесповоротно обрывается.

Он лишь знал, что эта тёмная пустота должна скрывать нечто важное — важного человека или великую тайну. Именно она заставила отца, от природы робкого, предпочесть разорвать себе желудок алкоголем, но не выдать её. Именно она была той важной гирей на чаше весов, которая заставила Чжуинь милостиво обращаться с его отцом — бесполезным пленником.

...Она должна была принадлежать Биньци. Но теперь, как и само Биньци, она погребена в пыли истории, не видя света.

Когда память вернулась, он уже стоял на коленях в чертогах Чжуинь. В зале витал свежий аромат воска с примесью благовоний, без малейшей удушливой копоти. Цзи Саньмэй, держа за руку покрасневшего от слёз Цзи Лючэня, в белых траурных одеждах склонился перед несколькими главами семей.

Он услышал свой невероятно спокойный голос:

— Уважаемые господа, я, младший Цзи Саньмэй, и мой брат Цзи Лючэнь пришли сообщить печальную весть: наш отец, Цзи Чандянь, скорпостижно скончался от чрезмерного употребления алкоголя. ...Мы, младшие, умоляем господ оказать нам покровительство и дать нам с братом пристанище. В будущем мы готовы положить жизнь, чтобы служить Чжуинь.

То, что сделал Цзи Саньмэй, было именно тем, о чём говорила героиня Чжоу Ижэнь: заискивание и лесть, униженное выпрашивание пощады. Не дождавшись, пока тело отца остынет, он облачился в траур и явился в чертоги, на каждом слове называя себя человеком Чжуинь, ни разу не упомянув о Биньци.

Раз уж он решился на это, то не боялся пересудов. Чтобы спасти себя и брата, стать собакой — невелика беда. По крайней мере, большая собака и маленькая смогут составить друг другу компанию.

Но откуда у восьмилетнего Цзи Саньмэя могло быть столько отваги? Сжечь предсмертную записку отца, обмыть его тело, привести брата в город Чжуинь и выразить преданность — это уже истощило все его силы.

Именно тогда перед ними появился Шэнь Фаши и, взяв за руки, увёл обоих братьев к себе.

Шэнь Фаши устроил того, что поменьше, а когда пошёл искать Цзи Саньмэя, обнаружил, что тот прокрался на кухню.

Шэнь Фаши встревожился и бросился вслед.

На кухне полно ножей. Если мальчик решит свести счёты с жизнью, ему сегодня придётся

изрядно потрудиться.

Но, подойдя к двери кухни, он увидел, как тот, обхватив миску с остывшей едой, механически пихает её себе в рот, не успевая проглотить один кусок, как уже запихивает следующий, — явно беря пример с отца.

Красивый, почти бесполой ребёнок, почувствовав взгляд Шэнь Фаши, поднял голову, сглотнул то, что было во рту, и усмехнулся.

— Хочешь? — Но он явно не собирался делиться едой и снова отправил в рот ложку холодного риса.

Он говорил с миской, словно с самим собой:

— Наемшись, завтра будет легче. Мне же ещё Лючэня растить.

Сказав это, Цзи Саньмэй словно обрёл бездонный аппетит, заглотнул огромный ком холодного риса, но подавился и выплюнул всё обратно. Он бросился на пол, собирая разлетевшиеся зёрна и складывая их обратно в миску.

Смерть отца унесла с собой нечто важное — важную вещь, человека или великую тайну. Цзи Саньмэй и Цзи Лючэнь потеряли всякую ценность. С этого дня у них больше не будет припасов. Если он хочет выжить вместе с Лючэнем, то должен беречь каждую крупицу.

Сегодня был его последний раз, когда он мог позволить себе расточительство.

Но, собирая рис, Цзи Саньмэй вдруг уткнулся в грудь Шэнь Фаши и разрыдался.

Шэнь Фаши, растерянный, принял его слёзы. Человек в его объятиях изо всех сил пытался сдержать рыдания — то закрывал рот ладонью, то кусал кулак, а когда и это не помогало, вцеплялся зубами в одежду Шэнь Фаши. Он повторял прерывистые слова:

— Нельзя шуметь, нельзя... чтобы Лючэнь не услышал, нельзя...

Ему было невыносимо тяжело, как вдруг сверху раздался голос Шэнь Фаши:

— Никто не услышит.

Стена за стеной, вода поднялась из пруда с карпами. Несколько рыб, подхваченных волнами, в испуге прыгнули вниз, на мгновение ощутив восторг прыжка через врата дракона.

Цзи Саньмэй помнил, что плакал в ту ночь очень долго, промочив слёзами нижнюю рубашку Шэнь Фаши. Он наговорил много безумного, бессвязного, фантастического, а Шэнь Фаши всё выслушал.

Он говорил мало, но всегда вовремя произносил «угу», напоминая Цзи Саньмэю, что он всё ещё здесь.

За десять долгих лет любви Цзи Саньмэя Шэнь Фаши всегда оставался таким — холодным, благородным, никогда не переступающим черту, идеальным другом.

Но после возрождения, встретив Шэнь Фаши вновь, Цзи Саньмэй стал замечать в его словах и поступках нечто, что рождало в нём странные фантазии, — словно его заветная мечта многих лет могла осуществиться.

А сегодняшней украдкой заданный Шэнь Фаши вопрос почти превратил мечту Цзи Саньмэя в явь.

Но Цзи Саньмэй в отношении всего остального мог быть каким угодно, а в отношении Шэнь Фаши — без стопроцентной уверенности никогда не решился бы проткнуть ту бумажную ширму.

Он достаточно подумал и нахотелся, прежде чем поднять голову и искренне сказать:

— Учитель, я правда не помню никакого Вэй Тина.

Цзи Саньмэй сказал:

— Память у меня неважная. Но даже если я забуду всех на свете, пока помню вас, мне не о чем жалеть.

Шэнь Фаши ответил:

— Угу.

Цзи Саньмэй обрадовался. Для него одного «угу» от Шэнь Фаши было достаточно. Какое бы значение ни скрывалось за этим словом, Цзи Саньмэй мог на нём выстроить целую ночь сладких снов.

Цзи Саньмэй обнял Шэнь Фаши и уснул. Пару раз ему показалось, что под боком что-то твёрдое давит, но потом он привык.

По-настоящему его разбудил доносящийся снаружи ночной плач Призрачной колесницы — тягучий, медленный, каждый всхлип длинный, каждый плач извилист, словно тысяча поворотов. Будто нож, прижатый к коже, скоблит по живому, выскивая, как бы содрать с человека мурашки слой за слоем.

Цзи Саньмэй перевернулся и сел, обнаружив, что Шэнь Фаши всё ещё в его объятиях. Тот одной рукой прикрывал ему ухо, а другой медленно пытался высвободиться.

Увидев, что тот проснулся, Шэнь Фаши перестал церемониться и спросил:

— Остаёшься или выходишь?

Цзи Саньмэй потянулся:

— Господин Сюй заплатил за меня пять тысяч лянов. Разумеется, я должен оправдать его ожидания.

Шэнь Фаши понял, что он имеет в виду, взял его с кровати на руки. Цзи Саньмэй наспех накинул одежду и вышел за дверь.

На этот раз появилась лишь одна Призрачная колесница. Она поумнела и не стала садиться на баньян, а принялась кружить вокруг усадьбы Сюя, хлопая крыльями, словно сплетая над домом вонючую сеть. Её плач и крики, пронзительный женский голос, так и рвались превратиться в пару рук, чтобы пробить стены и вытащить того ребёнка.

Но что было досаднее — едва Цзи Саньмэй и Шэнь Фаши вышли, птичий крик прекратился, оставив после себя лишь два-три чёрных пера.

После двух бесплодных вылазок лицо Сюй Тая уже заметно потемнело.

И как раз в этот момент в ворота усадьбы Сюя постучали.

Вошедший оказался даосским магом в красных одеждах, с золотыми колокольчиками на поясе. Вид у него был весьма приятный, лет сорока, но статный, с тонкой талией и длинными, стройными ногами. По сравнению с Сюй Тайем он был словно свежий зелёный лук рядом с картофелиной. Его роскошный наряд был порван в одном уголке — похоже, след от птичьего клюва.

Дворецкий, старина Чжу, впуская его, ещё дрожал от страха и потому не разглядел, что в правой руке маг тащил за собой покрытое чёрной тканью человекоподобное существо.

Войдя во внутренний двор, он как раз столкнулся с выходящим Сюй Таем. Пришелец сложил руки в приветствии и, не дожидаясь приглашения, дёрнул чёрную ткань. Под ней обнажилось окровавленное женское тело, на ключевых местах покрытое чешуйчатými серо-синими пластинами, острые шипы которых резали глаза.

Сюй Тай ахнул, в голосе смешались страх и радость:

— Мастер Лун! Вы...

— Я был в городе Ичжоу, — бесстрастно сказал Лун Фэйань. — Кто бы мог подумать, что сегодня, возвращаясь в северный пригород, случайно наткнулся на такое. Одну прикончил и принёс. Можете быть спокойны.

<http://bllate.org/book/16281/1466246>